

means, in each concrete moral incidence, a brand new moral deed can be produced. In this sense, morality can be infinite in the writing. However, since it is infinite, the discussion on it can be made, no end can be reached.

To avoid being abstract, finally, we will look at the core implication of this short Levinasian discussion – the morality of the intellectuals. Ideas, when they are purely representational, are already falling from the ideal of goodness they set for themselves to the violence of totalizing the same. As intellectuals, pausing the attitude of skepticism or hiding themselves in the objective process of thinking are both immoral. This is to say, ceasing asking questions and being satisfied with answering are immoral. However, when to philosophize is not to fix an idea but expose to ethical questioning or even to ethical accusation, there is a slight chance for philosophizing not being violent. How can writing, when language is the way of communication, avoids ending up with a said that is indifferent to the cry of the other? Firstly, the very writing perhaps should be an exposure of the writer his/herself who reveals their weakness, as this very piece reveals me with doubting my very behavior of writing. Secondly, it should be substitution of myself to the other's place, especially the one who is in destitution. In this case, a calm answer is being challenged, and a saying with breathlessness is demanded. Levinas, held in contempt by the Maxists as conservative, sometimes praises certain aspect of the Marxists intellectual, considering them as an example of his ethics. This is because Levinas discerns the cry behind the truth and the truth that will definitely fall. It is not the truth, but the cry behind the truth that matters.

Мао Ксин¹

Что есть мораль? Отвечая на этот вопрос, нужно обратиться к другому вопросу – морально ли само это вопрошание? Первый вопрос настоятельно ведет ко второму. Настоятельно, ибо если первый вопрос соответствует обстановке лекционной аудитории или конференции, то второй звучит как обвинение в смысле, заданном Левинасом, он возникает на поверхности непринужденного обсуждения в порыве *Я* – того, кто пишет это краткое эссе и подвергает это *Я* действию мгновения стыда.

Иными словами, проблема самого вопрошания «что» и «есть» шире, чем заданный вопрос «Что есть мораль?». Вопросы задаются с разными намерениями.

¹ Мао Ксин пишет диссертацию (PhD) в Королевском колледже Лондона.

Одно из них – любопытство. Тем не менее для Э. Левинаса любопытство не невинно. Для него интенциональность познания не отличается от применения насилия к несхожести¹. Это объясняется тем, что интенциональность познания как описания мира, все время отсылает к самой себе, подобно руке, придающей форму земле для ее использования. Когда объектом является земля, намерение может считаться ненасильственным. Тем не менее, если в качестве объекта выступает другой человек, намерение познать другого становится морально ущербным. На это можно посмотреть с двух сторон. Один взгляд связан с тем, что когда некто способен вопрошать и проявлять свое любопытство, это предполагает, что он/она уже занимает некоторое место в мире. Ни один вопрос не может быть задан в ситуации крайней нужды, в которой любопытство не наделено никакой силой. Как утверждают оба, и Левинас и Паскаль, занять место под солнцем – то же самое, что узурпировать места других, что уже аморально и должно вызвать чувство стыда у субъекта². Другой взгляд состоит в том, что любопытство и описание другого выражают процесс дистанцирования от другого, перерастающий в определенном смысле в безразличие к другому. Как остаться небезразличным? Левинас по-иному определяет термин «безразличие» при новом понимании различия, где обычная шкала различения людей уже не действует. То есть, *Мы* – не в различиях, – *Я* и *Другой* – в том смысле, что мы не два нерелевантных термина, холодно сравнивающих себя друг с другом³. Более того, *Мы* в контакте в этическом плане. В этом плане *Я* как этический субъект подчиняюсь *Другому* в качестве его «заложника». Эта моя пассивность является залогом мира. Отметим, что пассивность *Я* не ослабляет его основной индивидуальности. Индивидуальность *Я* никоим образом не зависит от свободной воли. Наоборот, индивидуальность *Я* зависит от ответственности за другого, которую только я сам могу возложить на себя. Таким образом, мы видим, что если мы задаем вопрос «Что есть мораль?» из любопытства и без какого-либо беспокойства, то возникает риск аморальности. Это проблема интенциональности любопытства.

Может быть поставлена под вопрос и другая интенциональность. Если мы пытаемся определить человечность через мораль, а не через рациональность, политику или даже социальность, то тогда спрашивать о том, что есть мораль, по сути, то же самое, что исследовать мой глаз с целью выяснить, являюсь ли я че-

¹ *Levinas E. Entre Nous. P. 192.*

² *Levinas E. Otherwise. P. vii.*

³ *Ibid. P. 70–71.*

ловеком. Тем не менее исследование морали само должно быть подвергнуто исследованию на предмет того, какие вопросы являются моральными, поскольку существуют разные мнения на этот счет. Это может быть исследование памяти или воли к принятию решения. Мы можем видеть, как исследование памяти возвращается к аморальному описанию объекта. Исследование воли также может быть аморально в том смысле, что воля, которая должна быть моральной, оказывается в своих глубоких интенциях эгоцентричной. Воля, которая должна быть доброй, оказывается формой эгоистического суждения, а *Другой* ассимилируется с системой, которую представляет эго. Исследование (вопрошание), которое предлагает Левинас, заключается в раскрытии себя *Другому* до степени превращения себя в «заложенника» *Другого*.

Если мы осознаем, что стали объектом вопрошания, будем ли мы искать ответ на поставленный вопрос? Годится ли письменный ответ на этот вопрос? Или мы можем ответить действием? Проблема дихотомии ответа письменного или ответа действием – это и есть проблема понимания морали в интеллектуализме. Мы должны прежде всего признать, что запрашивать дескриптивный ответ на поставленный вопрос не означает антиинтеллектуальный взгляд. Для прояснения мы можем даже утверждать, что сами моральные действия также должны быть подвергнуты сомнению. Это необходимо, поскольку без разрушения имманентности доброго дела как доброго дела оно приобретает вечный, статичный характер и может потерять свою ценность сразу после его совершения. Левинас снова указывает на удушающий характер мышления и текстов, которые сохраняют ограниченность деяния, подталкивают дыхание к краю самого поступка, к *Другому*, а затем открывают пространство свежего воздуха, с тем чтобы *Я* могло вдохнуть через *Другого*. Посредством этого в каждой конкретной сфере действия морали может родиться новый моральный поступок. В этом смысле мораль может быть бесконечной для описания. Однако, поскольку она бесконечна, то может быть предметом обсуждения и дискуссии по ней также будут бесконечными.

Чтобы уйти от абстракций, в заключение, взглянем на основное следствие из этих кратких левинасовских рассуждений – на мораль интеллектуалов. Идеи, когда они вполне репрезентативны, уже вытекают из идеала доброты, который они принимают для себя для насильственного закрепления. Для интеллектуалов аморально как пребывать в позиции скептицизма, так и прятаться в дебрях объективного процесса мышления. Точно так же, можно сказать, аморально прекращение вопрошания и удовлетворенность ответами. Однако, если философствовать означает не просто фиксировать идею, но и подвергать ее

этическому вопрошанию или даже этическому обвинению, то для философствования остается шанс не быть насильственным.

Если язык является средством коммуникации, то как может написание текста избежать завершения на сказанном, безразличном к крику другого? Во-первых, само писание, наверное, должно раскрывать его автора, проявляющего свои слабости, подобно тому, как данный текст раскрывает меня, подвергая сомнению само писание как деятельность. Во-вторых, следует ставить себя на место другого, особенно того, кто испытывает лишения. В этом случае спокойный ответ не годится и требуется перехватывающее дыхание суждение Левинаса, презиравшийся марксистами за консерватизм, иногда положительно оценивал определенную черту марксистских интеллектуалов, считая их образцом своей этики. Это объясняется тем, что когда Левинас за истиной слышал крик, эта истина падала в его глазах. Не истина, а крик за этой истиной только и имел для него значение.

Перевод с английского Б. Николаичева

Glen T. Martin¹

“Morality” expresses the relationship of responsibility that a self-conscious, rational, free being has to the various dimensions of its environment, from the local level to the whole and, ultimately, to God. The most immediate and compelling features of this relationship, however, arise with respect to all other self-conscious, rational beings, that is, in relation to all other human beings.

A self-conscious, rational, free being, insofar as he or she has developed (beyond childhood and beyond conformity with external social norms) into moral autonomy and maturity, will experience morality as a command, a duty, to do what is right regardless of his or her inclinations. The first command of duty, as Immanuel Kant expresses this, is to treat others as ends in themselves, never merely as a means. Morality recognizes the intrinsic dignity of human beings and the responsibility of each of us to respect, protect, and promote that intrinsic dignity. In the past two centuries, these insights have been extended into statements about universal human rights. For example, the UN Universal Declaration declares that “recognition of the

¹ Glen T. Martin – Professor of Philosophy and Chair of the Program in Peace Studies at Radford University in Virginia, USA. He is also President of the World Constitution and Parliament Association (WCPA).